

© 2014 г.

В.В. МАРЬИНА

ГУСТАВ ГУСАК И ДЕЛО “СЛОВАЦКИХ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ”

В апреле 1954 г. в Чехословакии состоялся последний из серии так называемых “монстрпроцессов”, процесс по делу “словацких буржуазных националистов”. Одним из его главных обвиняемых являлся Густав Гусак, первый (1969 г.), а затем генеральный (1971–1987 гг.) секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), последний президент ЧССР (1975–1989 гг.). Он, член компартии с 1933 г., член ЦК КПЧ, депутат Национального собрания ЧСР, без предъявления обвинения был арестован в начале 1951 г., провел в тюрьме 10 лет и в 1960 г. выпущен на свободу под подписку о невыезде. На подготовку процесса, его ход и результаты оказали влияние как внутри-, так и внешнеполитические обстоятельства.

В феврале 1948 г. в Чехословакии был по сути установлен коммунистический режим, декорированный обновленным Национальным фронтом, в который помимо КПЧ входили поддерживавшие ее малочисленные партии. После отставки президента Э. Бенеша этот пост в ЧСР занял первый секретарь ЦК КПЧ К. Готвальд, пользовавшийся доверием Москвы и прислушивавшийся к советам кремлевских лидеров. В стране началось строительство социализма по советскому образцу. 9 мая 1948 г. Национальное собрание приняло новую конституцию, закрепившую все осуществленные к тому времени в Чехословакии преобразования. В ней провозглашалось равноправие чешского и словацкого народов, что, мягко говоря, являлось лукавством, поскольку идея федеративного устройства восстановленной Чехословацкой Республики, выдвинутая словаками в 1945 г., была отвергнута Прагой, а права словацких национальных органов в течение 1945–1948 гг. все более урезались из-за опасений словацкого сепаратизма. Руководствуясь “теорией” об обострении классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, власти объявили о начале “острого курса против реакции” и подавили в самом зародыше сопротивление коммунистическому диктату¹.

Курс на ускоренное строительство социализма “со сталинским лицом” в немалой степени стал результатом роста международной напряженности, усиления противостояния СССР – Запад, а также обострения взаимоотношений внутри советского блока, приведшего в июне 1948 г. к исключению из него Югославии. Председатель Коммунистической партии Югославии Й.Б. Тито, попытавшийся проявить определенную самостоятельность, был под давлением Москвы заклеен коммунистическим сообществом как правый оппортунист. “Правооппортунистический уклон” тогда же был обнаружен и в Польской рабочей партии (В. Гомулка). В странах советской сферы влияния начался поиск врагов в собственных рядах, не говоря уж о гонениях на “реакционеров” всех мастей.

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Подробнее см. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории, в 2-х кн., кн. 2. М., 2005, с. 66–88.

Укрепляя занятые в феврале 1948 г. позиции, руководство КПЧ выступило за ее слияние с КПС, которая до этого (с 1939 г.) была самостоятельной. При этом словацкая партийная организация сохранила свое название – Коммунистическая партия Словакии. ЦК КПС, подчиненный ЦК КПЧ (в его состав кооптировались 25 членов и кандидатов ЦК КПС), должен был руководствоваться его указаниями и проводить в Словакии политику КПЧ. В расширенный президиум ЦК КПЧ были введены словаки: Вилиам Широкий, Юлиус Дюриш, Штефан Баштёванский, Густав Гусак и Владимир Клементис, занимавшие в то время высокие партийные и государственные посты². Официально декларируемая “руководящая роль” компартии потребовала некоторой реструктуризации ее аппарата. В состоявшем из 27 членов президиуме ЦК КПЧ было создано в целях оперативного принятия решений “узкое руководство”, в которое кроме К. Готвальда вошли А. Запотоцкий (глава правительства), В. Копецкий, Р. Сланский, В. Широкий и др. В этом узком кругу и принимались важные решения. Последнее слово всегда принадлежало К. Готвальду. Начал действовать и “узкий секретариат” ЦК КПЧ. Его генеральный секретарь Р. Сланский являлся, по существу, связующим звеном между президентом страны, председателем КПЧ К. Готвальдом, и партий. Национальный фронт, необходимость сохранения которого настойчиво подчеркивала КПЧ, приобретал все более “фасадный” характер. Постепенно утверждалось представление, что компартия может единовластно решать все вопросы внутренней и внешней политики страны.

Москва внимательно следила за деятельностью компартий в странах советского блока, анализировала ее и подвергала критике³. Руководство КПЧ, в частности, как свидетельствуют документы Архива внешней политики (АВП) РФ, реагировало на эту критику развертыванием самокритики и заявлениями о необходимости изучения, популяризации и использования опыта ВКП(б) при строительстве социализма в Чехословакии⁴. На совещании Коминформа в Бухаресте в июне 1948 г., принявшем резолюцию о Коммунистической партии Югославии, компартии получили указание о том, в каком направлении следует развивать дальнейшую деятельность. Выступая на совещании краевых секретарей КПЧ в сентябре 1948 г., Р. Сланский говорил: “Мы все сразу после февраля глубоко не осознали ленинско-сталинское учение о том, что переход от капитализма к социализму – это длительный этап, который сопровождается не утиханием классовой борьбы, а ее непрерывным обострением, как нам напоминает резолюция Информбюро по югославскому вопросу”. Генеральный секретарь ЦК КПЧ заявил, что против реакции следует применять “острые административные меры”⁵. “Острый курс” против реакции предполагал наведение “коммунистического порядка” во всех сферах жизнедеятельности государства. Подобные взгляды разделял и Готвальд. В сентябре-октябре 1948 г. он находился на отдыхе в Крыму, где несколько раз встречался со Сталиным. Там-то и было согласовано направление строительства социализма в ЧСР. Большую роль при этом играл институт советских советников. Документы российских архивов свидетельствуют, что руководство Чехословакии, как и других стран советского блока, многократно обращалось к советскому правительству и лично Сталину с просьбами о присылке советников для оказания помощи в перекройке по московским лекалам всех сфер государственной жизни, в том числе для “улучшения” деятельности

² Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948. Bratislava, 1971, s. 699–704, 713–715, 752–754.

³ “О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии”, подготовлено Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в апреле 1948 г. – Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 128, д. 1162, л. 44–73. Опубликовано: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1943 гг. М.–Новосибирск, 1998, с. 831–858.

⁴ АВП РФ, ф. 0138, оп. 29, п. 146, д. 7, л. 65, 76; п. 147, д. 9, л. 3–4, 15, 94, 119, 151–152, 159–160.

⁵ Kaplan K. Utváření generální linie výstavby socialismu v Československu. Praha, 1966, s. 111–112.

органов госбезопасности. Москва охотно откликалась на эти просьбы⁶. В ЧСР Министерство национальной безопасности, выделенное из состава МВД, возглавил Л. Копржива. Помощь в налаживании деятельности нового министерства оказывали присланные из Москвы по просьбе чехословацкой стороны Н.И. Макаров и М.Т. Лихачев. Они же помогали при организации первых политических процессов в Чехословакии⁷.

Одновременно началась подготовка процессов по делам так называемых буржуазных националистов, троцкистов и правых оппортунистов. Новым импульсом к ним послужило третье совещание Информбюро в Будапеште (ноябрь 1949 г.), на котором была принята резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» и обсуждался вопрос о мерах руководства компартий по активизации борьбы против «клики» Тито. Эта борьба, как указывалось в резолюции, «становится интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»⁸. От КПЧ на совещании в Будапеште присутствовали Р. Сланский, В. Широкий и Л. Копржива. В коммунистической печати широкую огласку получили «дела» К. Дзодзе (Албания), Л. Райка (Венгрия), Т. Костова (Болгария), В. Гомулки (Польша), Л. Патрашкану (Румыния). Процесс «чистки» собственных рядов в КПЧ развернулся не сразу, а набирал силу постепенно. Готвальд, как считают современные исследователи, проявлял больше скептицизма в указанном вопросе, а Сланский и Широкий оказались более решительными. В. Широкий недолюбливал, мягко говоря, «молодого выскочку» Г. Гусака, чрезвычайно критически относился к его деятельности и стремился отсечь со всех значимых постов. На заседании ЦК КПС 21–28 октября 1948 г. Широкий, в частности, заявил пока в общей форме и безадресно, что «проблема националистических уклонов становится сегодня большой опасностью» и что руководящие органы партии не убереглись от мелкобуржуазного национализма. Под этим понималось «приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистической политике буржуазии». Исправить положение предполагалось путем проведения «ясной большевистской линии», «очищения руководящих постов партии и вообще общественной жизни от уклонистов и оппортунистов»⁹. Камень был явно брошен в «огород» Г. Гусака и его сторонников в руководстве КПС. Они имели собственные взгляды на положение Словакии в Чехословакии, восстановление которой в 1945 г. представляли себе в виде федеративного государства.

В первой половине 1949 г. в компартиях Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии «буржуазные националисты» или уже были «разоблачены», или шла активная подготовка к этому. Чехословакия оказалась в числе «отстающих». М. Ракоши во время визита в Прагу 21–24 июня 1949 г. передал К. Готвальду список 65 чехословацких граждан, «англо-американских шпионов», якобы связанных с «делом Райка». Среди них значились и два члена политбюро ЦК КПЧ: министр внутренних дел В. Носек и министр иностранных дел В. Клементис. Оба во время войны находились в Лондоне. В списке имелось и много других видных коммунистических деятелей. Готвальд сначала не поверил, что «старые заслуженные члены партии могут быть шпионами», полагая, что «Райка у нас нет», и обещал провести собственное расследование¹⁰. Тогда-то Ракоши и посоветовал Готвальду обратиться за помощью в Москву. Тот внял совету, и в результате Лихачев и Макаров были откомандированы в Прагу. В стране сразу начались аресты. В марте 1950 г. В. Клементиса сняли со всех постов и объявили «чехословацким Райком», задачей которого было «вывести Чехословакию из-под влияния Советского Со-

⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002, с. 61–62; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. М., 2002, с. 613–651.

⁷ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993, s. 272–280.*

⁸ Совещание Информационного бюро коммунистических и рабочих партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М., 1949, с. 23–27.

⁹ *Komunistická strana Slovenska...*, s. 710–711, 735.

¹⁰ Восточная Европа в документах..., т. 2, с. 171, 219–224; Советский фактор..., т. 2, с. 286.

юза и включить в западный империалистический блок”¹¹. Министром иностранных дел стал В. Широкий. Через некоторое время в “компании” с Клементисом оказались председатель Корпуса уполномоченных в Словакии (словацкого правительства) Г. Гусак и уполномоченный министерства просвещения в Словакии, известный словацкий поэт Л. Новомеский. На IX съезде КПС в мае 1950 г. Клементис, Гусак, Новомеский и Шмидке были подвергнуты жесткой критике за “буржуазно-националистический уклон” и выступили с самокритикой своей деятельности на государственных и партийных постах. После съезда Гусаку предложили должность заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПЧ, Новомеский получил пост председателя Словацкой академии наук и искусств, Шмидке, до того заведовавшего отделом кадров ЦК КПС, назначили директором одного из братиславских заводов¹². Сбор компромата на них продолжался.

Летом 1950 г. в Чехословакию прибыл новый советник МГБ СССР В.А. Боярский, при содействии которого в стране начались массовые карательные акции, направленные против высоких партийных функционеров и государственных служащих. Среди них находились Клементис, Гусак, Новомеский и др. Вопрос о К. Шмидке (чехе по национальности), одном из руководящих и авторитетных деятелей КПС, ввиду его “рабочего происхождения” был пока оставлен открытым. Общее число арестованных на 1 января 1951 г., согласно сообщению, направленному советским посольством в Праге А.Я. Вышинскому, составляло 895 человек, в том числе за шпионаж – 247, участие в националистических, троцкистских и других подпольных организациях – 129, за прочую антигосударственную деятельность – 281, за саботаж – 100, за антигосударственную агитацию и пропаганду – 80 и т.д.¹³

Февральский пленум ЦК КПЧ 1951 г. заслушал доклады В. Копецкого и Ш. Баштёванского¹⁴, в которых, помимо прочего, речь шла также о “делах” В. Клементиса и “фракционной антипартийной группы буржуазных националистов в КПС”. В обоих докладах формулировалась политическая концепция готовившихся процессов. Но тут их направленность была уточнена. Причиной этого стала набиравшая силу в Советском Союзе антисиионистская кампания, борьба, согласно лексике того времени, против “безродных космополитов”. Под руководством советников МГБ СССР, которых с лета 1951 г. возглавлял А.Д. Бесчастнов, к ней подключились чехословацкие органы безопасности. Много евреев находилось и среди ранее арестованных партийных и государственных деятелей, но требовалась более масштабная фигура. Начался тайный сбор компромата на генерального секретаря ЦК КПЧ Р. Сланского, по существу второго после Готвальда лица в государстве, приложившего руку ко всем ранее организованным процессам. Сланский как ответственный за кадровую политику обвинялся в намеренном назначении неблагоденных людей на важные государственные и партийные посты. 31 июля 1951 г. торжественно отмечалось его 50-летие, и Сланский получил высшую государственную награду “Орден республики”. Но его “дело” продолжало “раскручиваться”. Началась реорганизация партийного аппарата: должность генерального секретаря партии была упразднена, появились политсекретариат и оргсекретариат, руководителем которых стал Готвальд. Усилился поток компромата на Сланского, идущий через советское посольство в Праге. Его “поставляли” часто там бывавшие А. Чепичка (министр обороны, зять Готвальда), В. Копецкий, А. Новотный, Ю. Дюриш, А. Запотоцкий и др.¹⁵ В ночь с 23 на 24 ноября 1951 г. Сланский был арестован и объявлен главой “антигосударственного заговорщического центра”. 6 декабря 1951 г. состоялся пленум ЦК КПЧ, единогласно одобрявший арест. Выступавшие утверждали, что Сланский готовил “заговор в самом центре партии, в ЦК КПЧ, опираясь на агентуру иностранных разведок”, что он “тормозил использование опыта работы ВКП(б) чехословацкой компар-

¹¹ Советский фактор..., т. 2, с. 286–291, 301–306.

¹² Восточная Европа в документах..., т. 2, с. 350–352.

¹³ Там же, с. 447, 464–465, 495 (примеч. 2), 500.

¹⁴ Ш. Баштёванский вскоре покончил жизнь самоубийством.

¹⁵ Дело Сланского. Публикация Г.П. Мурашко. – Вопросы истории, 1997, № 3, с. 10–20.

тией”. Был снят с поста и в 1952 г. арестован Копржива, который считался “человеком Сланского”. Следствием по раскрытию “связей группы Сланского с международным сионизмом” руководили советские советники, раз в неделю о его ходе докладывалось Готвальду. 20 ноября 1952 г. начался процесс по “делу” Сланского, с которым был объединен ряд других сфабрикованных дел, в том числе и ранее арестованного В. Клементиса. Из 14 обвиняемых 11 являлись евреями. Суд вынес 11 смертных приговоров, в том числе Сланскому и Клементису, трое были приговорены к пожизненному заключению. 6 декабря смертный приговор был приведен в исполнение.

С переносом акцента на “дело” Сланского несколько замедлилось разбирательство по “делу словацких буржуазных националистов”. Все это время ранее арестованный Гусак по-прежнему находился в тюрьме. 5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин, а через девять дней, 14 марта, вернувшись с его похорон, скончался и К. Готвальд. В соответствии с рекомендациями ЦК КПЧ Национальное собрание избрало на пост президента ЧСР А. Запотоцкого, В. Широкий стал премьер-министром. Пост председателя КПЧ был упразднен, А. Новотный, выполнявший к тому же функции вице-премьера, получил должность руководителя секретариата ЦК КПЧ. В сентябре 1953 г. он был избран его первым секретарем. Вставший у партийного руля молодой, амбициозный и энергичный А. Новотный решительно претендовал на руководство страной.

21–24 апреля 1954 г. в Братиславе состоялся суд над “словацкими буржуазными националистами”. Среди обвиняемых, помимо Гусака и Новомеского, находились также члены Корпуса уполномоченных (словацкого правительства) поверенники Д. Окали (внутренних дел), Л. Голдош (по делам церкви) и бывший посол в Будапеште И. Горват. Все они были арестованы еще в начале 1951 г. и до суда, т.е. в течение трех лет, содержались в тюрьме. Чехословакия стала последней из стран советского блока, где состоялся политический процесс подобного рода. Робкие попытки десталинизации в СССР, вскоре сошедшие на нет (здесь шла борьба за власть между отдельными политическими группировкам), а также некоторая разрядка международной напряженности не стали препятствием для начала процесса. Но в отличие от всех предыдущих он носил закрытый характер. Можно предположить, что инициатором проведения процесса или, во всяком случае, решительным сторонником этого являлся В. Широкий. Раскрученное “дело словацких буржуазных националистов” следовало довести до конца, и таким образом воспрепятствовать новому появлению на политической сцене Г. Гусака, единственной крупной фигуры, способной составить конкуренцию В. Широкому среди словацких политических деятелей. Просочившаяся о суде дозированная информация была минимальной, хотя критика “словацких буржуазных националистов” не прекращалась.

Всем подсудимым по рассматриваемому делу было предъявлено обвинение в государственной измене, саботаже, а Голдошу и Горвату – еще и в шпионаже в пользу иностранных государств. Все обвиняемые, кроме Гусака, признали себя виновными, что было “выбито” из них путем физического и психологического насилия. Впоследствии они отказались от этих показаний. Гусак, будучи юристом, отказался от назначенного адвоката и предпочел защищать на суде себя сам. Однако говорить ему фактически не дали. Все подсудимые были признаны виновными в том, что “как буржуазно-националистические предатели, враги чехословацкого трудящегося народа, народно-демократического строя и социализма, находясь на службе западного империализма и будучи связанными с антигосударственным заговорщическим центром во главе с Рудольфом Сланским, создали подрывную буржуазно-националистическую группу в Словакии и таким образом допустили тяжелейшие преступления против народно-демократического государства и трудового народа”. Гусак, Новомеский, Окали и Горват, говорилось в приговоре, “а) как члены буржуазно-националистической группы объединились с реакционной буржуазией и по ее указанию и, имея обязательства перед ней, втерлись в руководство Словацкого национального восстания с целью тормозить борьбу трудящегося народа за освобождение чехословацкого государства; б) после освобождения сгруппировались с другим обвиняемым Голдошом вокруг Клементиса, самыми разными способами саботировали проведение в Словакии Кошицкой правительственной

программы¹⁶, конституции и законов [Чехословацкой] республики и строительство народно-демократического государства. Свои позиции в Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных они преступно использовали против национальных и государственных интересов словацкого народа, стремясь к изоляции словацкого народа от чешского трудящегося народа и от строительства социализма. Ревностно сохраняя в Словакии остатки капиталистических позиций, они стремились создать предпосылки для реставрации капитализма. Тем самым они угрожали самобытности словацкого народа, гарантированной народно-демократическим строем; в) боролись преступным образом против осуществления Кошицкой правительственной программы, а при обсуждении Конституции 9 мая [1948 г.] также против национального единства, основанного на равноправии чехов и словаков; г) противозаконным способом создавали в Словакии аппарат [государственной] безопасности, саботировали строительство национальных комитетов как органов власти трудящегося народа и решительное осуждение людацко-фашистских предателей и прочих врагов словацкого народа; д) всеми способами тормозили экономическое и культурное развитие Словакии и защищали экономические позиции капитализма... е) после победы трудящегося народа в феврале 1948 г. они, помимо прочего, дали возможность представителям реакционной буржуазии бежать в западные империалистические государства и препятствовали проведению чистки в Словакии; ж) обвиняемый Окали помогал сионистам и еврейским капиталистам нелегально переправляться за границу. Нелегальным переводом имущества этих капиталистов за границу республике был нанесен огромный ущерб; з) кроме того, обвиняемые Горват и Голдош развернули большую шпионскую деятельность в интересах западных империалистов". Все обвиняемые, говорилось в приговоре, "проводили свою преступную деятельность в согласии с враждебными планами антигосударственного заговорщического центра Рудольфа Сланского, в рамках борьбы западных империалистов против СССР и народно-демократических стран"¹⁷.

Все подсудимые получили высокие меры наказания: Гусак был приговорен к пожизненному заключению, Горват – к 22 годам, Окали – к 18, Голдош – к 13, Новомеский – к 10 годам тюрьмы. Кроме того, Гусак, Окали и Горват были лишены чехословацкого гражданства. Состоявшийся в июне 1954 г. X съезд КПЧ, подведший итоги развития страны после 1949 г., в целом дал ему положительную оценку, отметив лишь некоторые "ошибки и неудачи". В идеологической области главной задачей коммунистов объявлялась борьба против буржуазного национализма, социал-демократизма и оппортунизма. Н.С. Хрущев, присутствовавший на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях "социалистической законности" в СССР, возложив при этом всю вину на Л.П. Берию. Съезд указал на необходимость соблюдения "социалистической законности", однако на практике правопорядок не восстанавливался, хотя для проформы кое-что было сделано. Так, по случаю амнистии 9 мая 1955 г. наказание Гусаку было снижено до 25 лет, а Новомеский, которого Широкий считал "запутавшимся интеллигентом", был условно отпущен на свободу под подписку о невыезде, хотя реабилитации не подлежал¹⁸.

Решения XX съезда КПСС, критика культа личности И.В. Сталина, имевшие в Чехословакии, как и во всем мире, громкий резонанс¹⁹, заставили руководство КПЧ снова

¹⁶ Принята в апреле 1945 г. первым правительством Национального фронта чехов и словаков.

¹⁷ *Presidium Nejvyššího soudu v Praze. Priz 9/63 Rozsudek Jmenem republiky dne 28. června 1963, s. 4–5.* – Личный архив автора, машинописная копия (30 страниц). Этот и другие материалы получены автором в Словакии в 1963 г., где они распространялись как "самиздат". Тогда же в здании Словацкой академии наук (САН) состоялась и встреча автора с Г. Гусаком.

¹⁸ Из-за продолжавшейся в Словакии травли "словацких буржуазных националистов" Новомеский предпочел не возвращаться в Словакию и до 1963 г. жил в Праге, отказавшись от участия в политической жизни.

¹⁹ См. подробнее: *Марьина В.В. XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии. – 1956 год. Российско-болгарские дискуссии.* М., 2008, с. 182–220.

вернуться к вопросу о политических процессах конца 1940-х – начала 1950-х годов. На заседании ЦК КПЧ А. Новотный, по словам Г. Гусака, заявил: “Следует ясно сказать, что все мы в нашей партии без исключения не только поддались культу личности, но и насаждали его... Эта практика исходила от самого руководства партии и постепенно создавалась целая система... Не соблюдались основные принципы социалистической законности... выяснилось, что ряд лиц был незаконно осужден... проверка дел до сих пор не завершена”²⁰. Созданная по указанию политбюро ЦК КПЧ и ему же подчиненная комиссия во главе с бывшим министром внутренних дел Р. Бараком скорее была заинтересована в подтверждении правильности вынесенных приговоров, чем в реабилитации осужденных²¹. Властная группировка, ответственная за политические процессы прошлых лет, не желала сдавать позиции, страшась потери занимаемых мест и опасаясь возвращения в политическую жизнь реабилитированных. Барак в информации о работе комиссии, одобренной политбюро ЦК КПЧ, утверждал: “Наша партия не пошла по пути поголовной реабилитации, что могло бы дискредитировать политику партии, и прежде всего ее руководства”.

В письме в ЦК КПЧ от 1 мая 1963 г. Г. Гусак так писал о борьбе с последствиями культа личности в Чехословакии после XX съезда КПСС: “У нас тоже начался процесс возрождения”, появилась надежда, что «и у нас с попранием закона будет покончено, несправедливости будут устранены... Мы снова и снова писали в ЦК КПЧ и государственные органы и добивались исправления. Однако процесс возрождения у нас застопорился, исправление несправедливостей периода культа личности было прекращено, все осталось по-старому. Решение нашего дела было отложено. Сохранилась прежняя точка зрения. “Правда” (центральный орган ЦК КПС. – В.М.) 12.05.1956 г. опубликовала выступление Широкого на заседании ЦК КПС 11.05.1956. Широкий вместо самокритики... опять выступил с обвинениями против нас. В этом выступлении он заявил: “В связи с обсуждением вопроса о нарушении социалистической законности в Словакии нередко поднимается вопрос, было ли правильным осуждение Гусака, Клементиса, Новомеского. Здесь следует особо подчеркнуть, что насколько это известно Центральному комитету никто из этих людей не был осужден за то, что имел отличные идеологические и политические воззрения. Партия по праву вела против их буржуазно-националистических концепций острую идеологическую и политическую борьбу. Однако они были наказаны и осуждены не за эти свои ошибки... а за то, что своей фактической деятельностью, своими поступками поставили под угрозу завоевания Словацкого национального восстания [1944 г.], угрожали плодам победы чешского и словацкого народов над гитлеровским фашизмом, поставили под угрозу путь социалистического строительства”». В резолюции, принятой ЦК КПС по докладу Широкого, говорилось: “ЦК КПС подчеркивает, что осуждение буржуазных националистов было законным... Гусак и осужденные вместе с ним за сотрудничество с реакцией угрожали единству и безопасности республики и завоеваниям рабочих и крестьян в ЧНВ”. Ответственные за организацию процесса Широкий, Бацилек, Давид, Стрехай, писал Гусак, “снова обвиняли свои жертвы, использовали свои партийные должности для того, чтобы наше дело не решалось, чтобы добиться от ЦК КПС принятия неправильной и несправедливой точки зрения... против нас была развернута новая кампания... повторялись прежние обвинения против так называемых буржуазных националистов”²².

В ноябре 1957 г. после смерти А. Запотоцкого президентом ЧСР стал А. Новотный, сосредоточивший в своих руках функции президента страны и первого секретаря

²⁰ List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ, s. 127. – Личный архив автора, машинописная копия (134 страницы).

²¹ Подробнее см. *Марына В.В.* Словакия начала 1960-х годов. Реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос. – В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е годы XX в. М., 2011, с. 426–463.

²² List G. Husáka z 01.05.1963..., s. 127–128.

ЦК КПЧ. В 1958–1960 гг. борьба против “врагов народа” продолжалась. По Словакии, которая стала опять рассматриваться как “слабое место” Чехословацкой Республики, прокатилась волна новых общественно-политических процессов. Однако она не имела такого размаха и не сопровождалась такими жестокостями, как в начале 1950-х годов²³. XI съезд КПЧ (1958 г.) поставил цель постепенного перехода страны к коммунизму, что подтвердила и общегосударственная партийная конференция (июль 1960 г.). Национальное собрание одобрило 11 июля 1960 г. новую конституцию, в которой Чехословакия характеризовалась как социалистическое государство, именуемое Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР). Исходя из ложного посыла о том, что неизбежное сближение наций в условиях социализма приведет в ближайшей перспективе к их слиянию, конституция значительно ограничила полномочия и компетенцию словацких национальных органов.

Руководство КПЧ по-прежнему призывало воздерживаться от призывов к реабилитации осужденных в начале 1950-х годов, предпочитая “тихий” способ решения вопроса: постепенное их освобождение путем амнистии и президентского помилования. Так по амнистии 9 мая 1960 г. вышел на свободу под подписку о невыезде и Г. Гусак, а 17 февраля 1961 г. ему на основе личного помилования президента было возвращено чехословацкое гражданство. Сначала Гусак зарабатывал на жизнь, осваивая профессию строительного рабочего. Затем ему было разрешено работать в Институте государства и права САН. Здесь он начал писать книгу о Словацком национальном восстании 1944 г., одним из руководителей которого являлся. Выйдя на свободу, Гусак продолжал добиваться реабилитации так называемых словацких буржуазных националистов. В конце декабря 1962 г. он направил в ЦК КПЧ лично А. Новотному обширное письмо с просьбой о пересмотре политического процесса 1954 г., полной уголовно-правовой и политической реабилитации и восстановлении в партии²⁴. “Наша партия, очистившись от этой лжи, – писал Гусак, – лишь повысит авторитет и доверие к себе, как это произошло [в компартиях] СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и других братских партиях в аналогичной ситуации”. Гусак не исключал, что по молодости лет и недостатку опыта в государственных делах, а также в связи с особенностями своего характера (“большое самомнение, вспыльчивый характер, нетерпеливость, излишняя требовательность к людям и пр.”) он допустил много ошибок, но в выполнении решений партии, по его мнению, всегда был последователен: “Многие товарищи считали меня чересчур правоверным, чересчур жестким в борьбе за осуществление указаний партии. Я никогда не конфликтовал с партийными органами, никогда не выступал против принятых партийных решений... Было много импровизаций в эти годы и много недостатков в наших и моих решениях”. Характеризуя обстановку в стране в связи с началом кампании против “буржуазных националистов”, Гусак писал: “Расцвели лицемерие, стремление сохранить собственную шкуру и теплое местечко”. Не называя фамилий, он упрекал развязавших кампанию лиц в “чрезмерном самолюбии, излишнем тщеславии, склонности к интригам, неразборчивых способах устранения неугодных людей и т.д.”

Без сомнений в ее правильности воспринимал Гусак и резолюции Информбюро о Югославии: “В своей правотности я ни на секунду не сомневался в правильности и необходимости тогдашней позиции нашей партии в отношении Югославии, процессов с Райком, Костовым и др. Я полностью верил Советскому Союзу, нашей партии, ее руководству и убеждал в этом тех, кто сомневался и колебался”.

Большой раздел письма был посвящен противозаконным методам деятельности органов госбезопасности при организации процесса, фабрикации нужных для этого документов, “выбиванию” под физическим и психологическим давлением необходимых признаний из подследственных. Надо сказать, что Гусак не подписал ни одного из

²³ Подробнее см. *Марына В.В.* Словакия начала 1960-х годов, с. 437–439.

²⁴ *Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. Ústredný výbor KSČ k rukám s.A. Novotného, I.taj. ÚV KSČ v Praze. Bratislava, 20.XII.1962.* – Личный архив автора, машинописная копия (64 страницы).

требуемых от него показаний, а если и подписывал, то затем отзывал свою подпись “как вынужденную ложь”. Будучи юристом, он подробно указал в письме на все нарушения законности со стороны генеральной прокуратуры при организации процесса с так называемыми буржуазными националистами и суда над ними, конкретно опроверг все возведенные на него обвинения, касавшиеся его деятельности как во время Словацкого национального восстания, так и в послевоенные годы²⁵. Свое отношение к вопросу о национализме в Словакии Гусак характеризовал так: “Как старый член партии я знаком, конечно, с марксистским учением о национальном вопросе и с ним согласен. Но речь идет не о теоретическом согласии. Речь идет о правильном его воплощении на практике. Я всегда хорошо понимал реакционную сущность национализма в Словакии, особенно в обскурантской комбинации с клерикализмом... Я всегда был сторонником общего государства чехов и словаков и боролся против людацкого сепаратизма (до войны, во время войны, в ходе восстания, после освобождения страны). Боролся с Бенешем, его концепцией чехословакизма... Что касается конкретного государственно-правового устройства отношений чехов и словаков в рамках ЧСР, то этот вопрос на разных этапах был предметом обсуждений и соглашений... Я участвовал в этих переговорах, точка зрения партии была и моей точкой зрения. Пока идет дискуссия по некоторым вопросам, то, полагаю, нет преступления в том, чтобы высказать свою личную точку зрения. Но если партия по какому-либо вопросу, в том числе и по национальному, принимала решение, я всегда твердо придерживался точки зрения партии”²⁶.

Несмотря ни на что, Гусак оставался искренним другом советской страны, считая, что она идет по правильному пути исправления ошибок, допущенных в прошлом: “Я всегда стоял плечом к плечу с СССР, пропагандировал и защищал политику советской партии... В международном коммунистическом движении отношение к СССР рассматривается как пробный камень пролетарского интернационализма, как всей партии, так и отдельных людей. Хочу сказать несколько слов о себе в этой связи. С молодых лет я был верным другом Советского Союза, горячим пропагандистом идей Октябрьской революции и Коммунистической партии Советского Союза. Никогда ни на одну минуту я в этом своем отношении к СССР не проявил колебаний. Ни в период моей активной политической деятельности, ни в тюрьме, ни сегодня... Вся моя жизнь была проникнута любовью и преданностью ко всему советскому и русскому, начиная с политических отношений и кончая культурой, литературой и личным отношением... Я всегда был и останусь верным сторонником СССР”. “Я согласен с выводами XX и XXII съездов КПСС, с заявлениями коммунистических и рабочих партий, согласен с генеральной линией партии, одобренной XII съездом КПЧ”, – писал Гусак, прося восстановить его в партии, и подчеркивал, что “хотел бы работать как ее верный и дисциплинированный член”, помогать “в решении ее нынешних и будущих задач”, “честно трудиться во имя построения социализма”²⁷.

Но еще до письма Гусака, в августе 1962 г., политбюро ЦК КПЧ одобрило создание новой комиссии “по пересмотру важнейших политических процессов против лиц, занимавших высокие политические посты”. Возглавлял комиссию секретарь ЦК КПЧ Д. Колдер. Тогда уже большинство членов политбюро, избранного на XII съезде КПЧ (ноябрь 1962 г.), а также членов “комиссии Колдера” представляли люди, не связанные

²⁵ Зная о приговоре, вынесенном Р. Сланскому и В. Клементису, и об их казни, Гусак не сомневался, что его ждет та же участь. При оглашении приговора по “делу” Гусака прокурор заявил, что закон требует за совершенные им преступления “лишь одного наказания: смерти”, но огромные успехи в строительстве социализма в Чехословакии позволяют заменить этот приговор пожизненным заключением. – Ibid., s. 46–47.

²⁶ Речь идет о причинах отказа в 1945–1948 гг. КПС и Гусака от решения государственно-правового устройства ЧСР на федеративных основах. Подробнее см. *Марына В.В.* Чехи и словаки в возрожденной Чехословацкой республике. – Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004, с. 113–152.

²⁷ *Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu...*, s. 3, 5, 7, 8, 10, 11, 20, 22, 47, 58–64.

с конструированием процессов начала 1950-х годов. Комиссия добилась их пересмотра. Внимание было обращено в первую очередь на “дело” Сланского, которое было признано полностью сфабрикованным. Однако в определении ответственности за “нарушение законности” комиссия оказалась непоследовательной, возложив главную вину за процессы на органы безопасности и юстиции. Осталось в силе и обвинение Гусака, Новомеского и других в буржуазно-националистическом уклоне. В связи с этим, хотя и рекомендовалось восстановить Гусака в партии, признавалось обоснованным его исключение из состава ЦК КПЧ. Несмотря на то, что Новотный старался оставить “старых функционеров” на руководящих постах в партии и государстве, сделать это в отношении главы словацкой партийной организации К. Бацилека он не смог. Первым секретарем ЦК КПС стал А. Дубчек, возглавлявший до этого братиславскую краевую организацию КПС. На заседании ЦК КПЧ 3–4 апреля 1963 г., обсудившем результаты деятельности “комиссии Колдера”, было принято решение о восстановлении Г. Гусака в партии. 17 апреля Дубчек вручил ему партбилет. Получая его, Гусак заявил: “Все свои силы, способности и опыт я целиком отдаю в распоряжение нашей партии, прилагающей колоссальные усилия для строительства у нас социалистического и коммунистического общества. Особой своей обязанностью считаю всячески содействовать обновлению и углублению доверия между нашими народами, содействовать единству, силе и расцвету нашего государства”²⁸. Гусак был верным сыном партии и, несмотря на 10 лет проведенные в тюрьме, из которых 6 лет в одиночной камере, все еще продолжал верить в идеалы коммунизма. Как показал его жизненный путь, Гусак реалистически взирал на окружающий мир, однако ему был свойственен и некоторый налет романтизма, веры в идеалы, служить которым он начал еще в юности, вступив в коммунистическую партию²⁹.

Хотя Гусак был восстановлен в партии, но этого ему казалось недостаточно. Он добивался полной реабилитации как по партийной, так и по государственной линии, что, в его представлении, было связано в первую очередь с возвращением ему членства в ЦК КПЧ. Поэтому через две недели после получения партбилета, 1 мая 1963 г., Гусак написал новое пространное письмо в ЦК КПЧ с доводами в пользу своей полной реабилитации³⁰. На этот раз обвинения в письме были весьма конкретными и направленными в первую очередь против председателя правительства В. Широкого. Критически оценивалась его деятельность с конца войны и до начала 1950-х годов, когда публично прозвучало обвинение в буржуазном национализме видных деятелей КПС. Гусак конкретно пункт за пунктом (всего их 16) опровергал все вымышленные в отношении них обвинения. Он изобличал не только Широкого, но и других причастных к конструированию процесса видных лиц, некоторые из них в начале 1960-х годов все еще находились у власти, занимая высокие партийные и государственные посты. Речь шла, поми-

²⁸ Цит. по: *Plevza V. Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoril.* Bratislava, 1991, s. 84.

²⁹ В этом плане, как представляется, Гусак был несколько схож с Дубчеком, которого он сменил на посту первого секретаря ЦК КПЧ в апреле 1969 г. Дубчек был исключен из КПЧ и в течение 20 лет находился в опале. Еще в 1988 г., т.е. накануне краха коммунистических режимов в СССР и странах советского блока, в одном из своих интервью он говорил: “Я твердо убежден, что социализм может и должен быть таким общественно-политическим, экономическим и культурным строем, который исторически наиболее полно и наиболее целостно выражает и воплощает потребности и интересы рабочего класса и самых широких слоев трудящихся... Социализм, мир, равноправие, самореализация людей и народов составляют кредо всей моей жизни. Я целиком и полностью придаю этим ценностям общечеловеческое значение”. В 1970–1980-х годах, в период так называемой нормализации, Дубчек написал множество писем в высшие государственные и партийные органы с просьбой вернуть ему и “всем, понесшим незаслуженное наказание, товарищам” “политическую честь”. Письма остались без ответа. – *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов.* СПб., 2013, с. 599, 610.

³⁰ *Gustáv Husák. Žiadosť o úplnú stranícku rehabilitáciu.* Bratislava, 1. mája 1963. Súdr. Novotný. Ústredný výbor KSČ v Prahe. – Личный архив автора, машинописный текст (143 страницы).

мо Широкого, о казненном Р. Сланском и покончившем с собой Ш. Баштёванском, о В. Копецком, К. Бацилеке и др. Можно предположить, что тогда Гусак либо ничего не знал об участии советских советников в фабрикации политических процессов начала 1950-х годов в странах советского блока, либо предпочел не касаться этого вопроса. Скорее второе. Трудно поверить в то, что он, являясь председателем Корпуса уполномоченных (словацкого правительства), не мог не знать, что “антигосударственный заговор в Словакии”, направленный против победившей там на парламентских выборах (1946 г.) буржуазной Демократической партии, был сконструирован летом 1947 г. органами госбезопасности, поддерживавшими связи с соответствующими советскими службами³¹.

В письме Гусак отмечал, что на собраниях в местных партийных организациях, на которых обсуждалась информация о заседании ЦК КПЧ 3–4 апреля 1963 г., разгорелись споры и прозвучали голоса несогласия с неполной реабилитацией так называемых буржуазных националистов. В связи с этим Гусак обращался в ЦК КПЧ с просьбой снова изучить все обстоятельства сфабрикованного дела и приводил доводы, по которым следует это сделать. Он просил вынести решение “о полной партийной реабилитации Гусака, Новомеского, Шмидке и Клементиса, поскольку так называемый буржуазно-националистический уклон в партии, как это было представлено на IX съезде КПС, являлся, вопреки правде, искусственно сконструированным в период культа личности; об отмене решений IX съезда КПС от мая 1950 г. и о снятии вышеуказанных товарищей с партийных и государственных должностей; об отмене особого решения от 21.02.1951 г. и [подтверждающего его решения] от 3–4.04.1963 г. о нашем исключении из ЦК КПЧ”. Далее Гусак писал о причинах культа личности и формах его проявления в Словакии, показывая это преимущественно на примере деятельности В. Широкого, председателя ЦК КПС с лета 1945 г., и критически оценивая его личные качества как партийного руководителя. “Постепенно он прибрал к рукам все руководство партией... Центральный комитет созывал, когда ему захочется, формулировал его повестку дня, сам делал принципиальные доклады, или в виде исключения поручал произносить их близким ему людям”, не представлял эти доклады для обсуждения или хотя бы для информации президиуму ЦК КПС. Практические решения о политике партии принимались либо лично Широкий, либо с его ведома секретариатом ЦК КПС во главе с Баштёванским, состоявшем из людей, подобранных по принципу личной преданности и наличия родственных связей. Постоянным местом жительства Широкого являлась Прага, раз в неделю на один-два дня он наведывался в Братиславу, получая сведения о положении в Словакии из докладов “своих людей”. Эти данные, оценки и характеристики Широкий и передавал К. Готвальду в Праге. Руководство партией по телефону во время кратких наездов Широкого в Братиславу “неизбежно сказывалось на оперативной работе партии в Словакии и ее жизнедеятельности”, – считал Гусак. Он подчеркивал, что Широкий из-за свойственных ему самолюбия и подозрительности рассматривал любую критику в свой адрес, каждое предложение об исправлении допущенных ошибок как выпад против него лично, как попытку свергнуть его с занимаемого поста. “Это управление партией по телефону из Праги продолжалось все время, начиная с 1945 и по 1950 г., когда я мог лично наблюдать за положением дел в руководстве партии”, – писал Гусак.

Особо подчеркнул Гусак тот факт, что в КПЧ и КПС, как и в компартиях других стран (Польша, Венгрия, Болгария), после освобождения возникли противоречия и определенная напряженность между руководителями внутреннего сопротивления и “товарищами, вернувшимися из эмиграции”. Вторые, “старые” партийные функционеры, признавая заслуги первых, представителей более “молодой генерации”, оттесняли их на второстепенные позиции, считая себя более опытными и полезными партии людьми. В связи с этим много места в письме уделено тому, как складывались личные отношения Широкого с Клементисом, Гусаком, Новомеским, Шмидке. Гусак давал собственную оценку положения дел в Словакии в 1945–1948 гг., политике КПС в тот период, ее борьбы против политических противников (“реакции”). Он показал, как фальсифици-

³¹ Чехия и Словакия в XX веке..., кн. 2, с. 59–66.

ровала в 1950-х годах в угоду Широкому история КПС и Словацкого национального восстания, подготовкой которого тот якобы руководил, находясь в тюрьме³².

Снова весьма критически Гусак оценивал позицию В. Широкого по национальному вопросу: «Широкий на IX съезде [КПС] исходил из понимания национального вопроса не с позиций ленинского учения, а с позиций силы, власти, с позиций сильнеешего против слабейшего... На IX съезде КПС Широкий просто прокламировал обвинения против “буржуазных националистов” точно так же, как папа римский, исходя из своей непогрешимости, провозглашает *urbi et orbi* свои личные воззрения верующим. Во времена культа личности подобная непогрешимость была характерна для личности вождей. Непогрешимый вождь обладал монополией на правду. Обязанностью остальных было таким заявлениям верить». Гусак обвинял Широкого в том, что тот “умышленно не ставит вопрос ясно, потому что тогда открылось бы, что при решении национального вопроса у нас... он всегда отстаивал централистскую точку зрения, отвечавшую национальным чаяниям до того господствующего более многочисленного чешского народа”.

Широкий, писал Гусак, «формально и, можно сказать, практически нигилистски относился к решению словацкого национального вопроса. Формально он признавал “право наций на самоопределение”, однако, когда речь заходила о конкретном воплощении этого права в государственно-правовом устройстве [ЧСР], о конкретных вещах, касающихся положения словацких национальных органов в государстве, практически всегда занимал административно-централистскую позицию... Он сектантски толковал правильный принцип подчинения национального вопроса вопросам классовой борьбы». Широкий, по мнению Гусака, “выдумывал и преувеличивал националистическую опасность в словацкой партии, чтобы представить себя как надежного, мыслящего с общегосударственных позиций коммуниста, как главную опору КПЧ в Словакии, как незаменимого человека для руководства партией в Словакии... Триумф Широкого на IX съезде КПС был триумфом культа личности в Словакии, культом его личности”.

В письме рассматривались также взаимоотношения Широкого со Сланским, «позиции которого в партийном аппарате после освобождения крепились день ото дня. Прежде всего со Сланским он советовался относительно мероприятий, проводимых в словацкой компартии, его стиль и методы работы в партийном аппарате переносил в Словакию... Р. Сланский вместе с Широком главный режиссер “дела словацких буржуазных националистов”, в своем докладе [на IX съезде КПС] он несколько не отставал от остальных ни в страшных обвинениях, ни в оскорблениях и клевете. Он заявил: “Разоблачение заговора показало, что они (словацкие буржуазные националисты. – В.М.) стремились к восстановлению старого господского режима, режима банкиров, фабрикантов и помещиков, режима голода и безработицы, национального угнетения и озлобленности”... Сланский увязывает действия словацких буржуазных националистов с деяниями чешских националистов Швермовой и Шлинга³³, которые “всегда пытались натравливать чешский народ против словацкого народа”, “Клементис, Гусак и Новомеский тоже натравливали словацкий народ против чешского, словаков против Праги и говорили о том, что самым лучшим было бы, если бы пражское правительство не имело никакой власти в Словакии”. Он называет их “пятой вредительской колонной” и считает, что

³² В. Широкий, один из руководителей КПЧ, в 1938 г. уехал во Францию, а затем переехал в СССР. В конце июня 1941 г. он по поручению Заграничного бюро КПЧ в Москве, возглавляемого К. Готвальдом, возвратился в Словакию для организации борьбы против существовавшего там режима. Однако уже в начале июля 1941 г. Широкий был арестован и находился в тюрьме до января 1945 г., откуда якобы направлял деятельность подпольной КПС. После освобождения, организованного коммунистами, он перешел линию фронта, оказался на освобожденной территории и был переправлен в Москву. В Гусаке, Новомеском и Шмидке (V нелегальный ЦК КПС) Широкий, несомненно, видел своих конкурентов по руководству КПС.

³³ В начале 1951 г. собирався компромат и готовился процесс против секретаря Брненского крайкома КПЧ О. Шлинга и члена президиума ЦК КПЧ, заместителя генерального секретаря ЦК КПЧ М. Швермовой.

после их разоблачения “начинается и собственно уже наступил золотой век словацкого народа”. Широкий в заключительном слове одобрительно отозвался о “блестящей речи Сланского” и заявил о начале борьбы против пережитков буржуазного национализма в общественной жизни, государственном аппарате, экономике, в области культуры, словом во всех сферах жизни Словакии... Как я вскоре понял, эта борьба действительно жестко велась на всех участках и поплатились за это тысячи людей».

В заключение Гусак выражал надежду, что времена беззакония прошли и что теперь для восстановления “доверия широких масс к партии и ее руководству” необходимо окончательно покончить со всеми последствиями периода культа личности: «Половинчатость и компромиссы в таких принципиальных вопросах жизни партии, принесли бы партии не пользу, а лишь вред... Наше дело – “дело словацких буржуазных националистов”, как его именовали его инспираторы и режиссеры – чрезвычайно глубоко коснулось сознания народа, особенно в Словакии. С одной стороны, потому, что в течение 10 лет велась общественная, почти непрерывная кампания против нас лично и “против националистической опасности в Словакии” вообще. Далее потому, что наше дело в этой кампании постоянно связывалось с решением национального вопроса у нас, с решением так называемого словацкого вопроса. Эта продолжавшаяся 10 лет кампания... нанесла партии и республике большой вред, особенно в области взаимного доверия обоим нашим народам.

В чешском народе эта кампания по необходимости вызвала недоверие к словакам и Словакии... Совершенно обратное действие по сравнению с тем, чего хотели ее инициаторы и режиссеры, эта кампания вызвала в Словакии. В течение 10 лет она (кампания. – В.М.) сеяла семена недоверия в отношениях словацкого и чешского народов, нанесла серьезный вред доверию между нашими народами... Непрерывная “мобилизация партии на борьбу против национализма в Словакии”... рождала в словацких людях чувство обиды, неправомерности, несправедливости... Упомянутая кампания, связанная с нашим делом, является одной из причин грубых деформаций в решении национального вопроса у нас в период культа личности. При устранении последствий культа личности у нас необходимо устранить деформации в сфере национального вопроса. Таким образом, кроме личных, тут есть и более веские причины, по которым я считаю необходимым завершить рассмотрение нашего дела».

ЦК КПЧ на своем заседании 3–4 апреля 1963 г., писал Гусак, «оставил без изменения решение от 21.02.1951 г. о нашем исключении из ЦК, т.е. это решение подтвердил. Это нельзя понимать иначе, как подтверждение обвинения в буржуазном национализме, высказанного Широком на IX съезде КПС. В этом отношении я считаю наше “дело” недорешенным, поэтому подаю эту просьбу, чтобы обвинения IX съезда и его выводы о нас были пересмотрены, чтобы было изменено и вышеуказанное решение ЦК КПЧ о нашем исключении из ЦК и таким образом окончательно решено наше дело. Это – одна из важнейших предпосылок устранения деформаций в национальном вопросе периода культа личности... Я убежден, что последовательное решение нашего дела существенно может содействовать устранению вреда, о котором я говорил. Укрепление доверия между нашими двумя народами, всестороннее улучшение их взаимоотношений я считаю одной из важнейших политических задач у нас... Я надеюсь, что мои слова не будут истолкованы так, что я имею в виду некое беспринципное замалчивание ошибок в какой-либо области, в том числе и в области национальной политики. Наоборот, чем более открыто и конкретно мы будем критиковать действительные ошибки и недостатки, либо в прошлом, либо в настоящем, и в этой области, тем более правильный и объективный взгляд на вопрос получим»³⁴.

9 апреля 1963 г., меньше чем через неделю после решения ЦК КПЧ, генеральный прокурор ЧССР потребовал снова вернуться к делу “словацких буржуазных националистов”, как проведенному с нарушением закона. 18 апреля эти материалы были возвращены в прокуратуру для доследования. И уже 13 мая генеральный прокурор пере-

³⁴ Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu..., s. 81, 89–90, 120–121, 131–134.

дал его результаты президиуму Верховного суда и предложил отменить приговор от 24 апреля 1954 г. в отношении Гусака и всех обвиненных вместе с ним лиц. В ходе дополнительного расследования, говорилось в приговоре президиума Верховного суда от 28 июня 1963 г., выяснилось, что доказательства вины “были вырваны из всех объективных и субъективных взаимосвязей, включены в искусственно сконструированные взаимосвязи, искажены и извращены до такой степени, что их нельзя рассматривать как доказательство действительных поступков обвиняемых”. Президиум Верховного суда на своем закрытом заседании пришел к выводу, что приговором 1954 г. и расследованием по этому делу был нарушен закон, и поэтому отменил указанный приговор, который “усматривал главную вину всех осужденных в том, что, находясь на службе западных империалистов и в связи с антигосударственным заговорщическим центром во главе с Рудольфом Сланским, они создали в Словакии подрывную буржуазно-националистическую группировку, целью которой была ликвидация самостоятельности или конституционной целостности республики и ее народно-демократического строя”.

Президиум Верховного суда отмечал, что материалами Верховного суда (1963 г.) по делам Рудольфа Сланского, Карла Шваба и Бедржиха Райцина, “достоверно доказано, что никакого заговорщического центра во главе с Рудольфом Сланским не существовало. Утверждение о его существовании находилось в противоречии с действительностью, было искусственно сконструировано”, “все лица, осужденные в рамках так называемого заговорщического центра, освобождены от обвинений в антигосударственной деятельности”³⁵. Наряду с этим Верховный суд снял обвинение и с Владимира Клементиса, который «согласно обжалованному приговору Верховного суда по делу Густава Гусака и других не только должен был осуществлять связь буржуазных националистов с антигосударственным центром Рудольфа Сланского, но также должен был этой группой постоянно руководить и нацеливать ее на антигосударственную деятельность... Обвиняемые Гусак и другие не могли быть параллельным центром, “филиалом, объективным и субъективным помощником группы Сланского в Словакии”, как значится в обжалованном приговоре, а также не могли быть связанными с каким-либо членом этого несуществующего центра, т.е. с Владимиром Клементисом... Приговор опирался на общие фразы и признания некоторых осужденных, причем нельзя не заметить и то, что эти признания не опираются на какую-либо реальную основу и были вынуждены противозаконными методами ведения следствия, грубым нажимом как физическим, так и психологическим»³⁶. Далее последовательно, одно за другим, опровергались конкретные обвинения, которые предъявлялись Гусаку и другим на IX съезде КПС, в ходе следствия и на суде в апреле 1954 г. Сравнение доказательств невиновности, приведенных в письмах Гусака, Новомеского, Голдоша, с содержащимися в приговоре президиума Верховного суда от 28 июня 1963 г. свидетельствует, что аргументация этих документов мало чем отличалась. Приговор президиума Верховного суда, подписанный его председателем Йозефом Литерой, был окончательным и не мог быть опротестован.

Широкое общественное движение в Словакии, развернувшееся в поддержку реабилитации “словацких буржуазных националистов”, несомненно, повлияло на решение А. Новотного снять В. Широкого с поста председателя правительства, но он остался членом ЦК КПЧ и депутатом Национального собрания ЧССР. Решения XII съезда КПЧ, подтвердившего, помимо прочего, курс на борьбу с последствиями культа личности и на восстановление социалистической законности, а также сильное давление снизу вынудили пражское руководство создать летом 1963 г. специальную комиссию по проверке правомерности проведения процесса по делу “словацких буржуазных националистов”. Возглавил ее секретарь ЦК КПЧ Владимир Коуцкий. Комиссия работала в Праге

³⁵ За некоторое время до этого, в мае или июне 1963 г., Р. Сланский и все проходившие по его делу были реабилитированы по государственной линии, но, насколько известно автору, ни тогда, ни позже не были реабилитированы по партийной линии и восстановлены в КПЧ. Обвинение в организации процессов начала 50-х годов XX в. со Сланского не было снято.

³⁶ *Presidium Nejvyššího soudu v Praze...*, s. 8–9.

в здании Барнабитского монастыря (отсюда и ее название “барнабитская”) до декабря 1963 г.³⁷ В состав рабочих групп комиссии входили многие чешские и словацкие историки, специалисты по новейшей истории Чехословакии. Они занимались изучением доставляемых им из архивов дел, беседовали с еще живущими участниками процесса и его организаторами. Хотя работа комиссии была строго секретной, но “утечка” сведений о ее деятельности происходила и выявленные факты становились достоянием общественности задолго до окончания расследования. На заседаниях рабочих групп комиссии велись бурные и часто очень острые дискуссии по тем или иным вопросам истории страны и партии, действий их руководителей. Первый вариант справки, подготовленной для президиума ЦК КПЧ, представлял собой скорее объемистую книгу, насчитывающую тысячу страниц машинописного текста. Затем ее объем сократили до 700 страниц. Следует отметить, что заключения, к которым пришли члены комиссии, проработавшие огромный архивный материал, по отдельным пунктам обвинения так называемых словацких буржуазных националистов в большинстве совпадали с теми объяснениями и оценками, которые давал Гусак в своих письмах.

Новотный ожидал, что комиссия подтвердит, как и все предыдущие, правильность сделанных ранее партийным руководством выводов и оценок. Но эти ожидания оправдались лишь частично. 5 декабря 1963 г. состоялось заседание президиума ЦК КПЧ, на котором обсуждалась подготовленная комиссией справка, содержащая и выводы ее составителей³⁸. Политическое заключение по представленным материалам, по мнению Новотного, должен был сделать президиум ЦК КПЧ, а затем вынести это заключение на обсуждение пленума ЦК КПЧ, намеченного на 18 декабря 1963 г. По докладу Коуцкогo о результатах деятельности комиссии развернулась дискуссия, которая заметно оживилась после замечания Новотного о политических ошибках, допущенных “буржуазными националистами”, прежде всего Гусаком, и связанных с особенностями его характера. Новотный считал нужным внести это в текст резолюции. Фигура Гусака вообще привлекла особое внимание участников дискуссии, которые, зная о его политических амбициях, опасались его возвращения в реальную политику. Как заявил Д. Колдер, “он стоит за кулисами и имеет влияние”. Для членов президиума ЦК КПЧ важно было во что бы то ни стало преградить Гусаку доступ к высоким партийным и государственным постам. Все участники дискуссии делали упор на то, как минимизировать влияние выводов “барнабитской” комиссии на тогдашнюю политическую обстановку в стране. В. Бияляк³⁹ внес предложение не принимать решения о восстановлении Гусака и Новомеского в составе членов ЦК КПЧ, поскольку на X съезде КПЧ (1954 г.) и последующих партийных форумах его состав несколько раз переизбирался. М. Худик⁴⁰ весьма скептически оценил результаты деятельности комиссии, заявив, что они хороши для специальных исследований, но плохи как “политическое руководство”. Он считал, что Гусака “следует загрузить” ответственной работой в Праге, а не оставлять в Словакии, где “с ним для нас могут возникнуть только трудности”. Секретарь ЦК КПС Ф. Барбирек считал нужным найти Гусаку какую-нибудь работу, например предложить пост министра транспорта, но ни в коем случае не доверять ему “философские (т.е. идеологические. — В.М.) функции”. З. Фирлингер, в целом положительно оценивший личность Гусака, тоже предложил загрузить его работой, так как известно, что “безработица толкает на плохую дорогу”. Дубчек, мотивированный стремлением решить словацкий вопрос⁴¹,

³⁷ *Grisova H.* “Barnabitská” komise. Její činnost a výsledky. Magisterská diplomová práce. Univerzita Palackého v Olomouci. Filosofická fakulta. Katedra historie. Olomouc, 2011.

³⁸ *Ibid.*, s. 141–154.

³⁹ Васил Бияляк в августе 1968 г. один из организаторов обращения к советскому правительству с просьбой ввести войска в Чехословакию.

⁴⁰ Михал Худик, член ЦК и президиума ЦК КПС, член ЦК КПЧ, председатель Словацкого национального совета.

⁴¹ В это время возродилась и стремительно набирала силу идея федеративного устройства ЧССР.

не выражал открыто опасений в отношении Гусака, предложил принять “справку” “барнабитской” комиссии и предоставить Гусаку какой-либо значимый государственный пост.

В той или иной форме выводы “барнабитской” комиссии необходимо было представить обществу, в котором бурно обсуждался, особенно среди интеллигенции, вопрос о реабилитации “словацких буржуазных националистов”. В качестве наиболее приемлемого президиум ЦК КПЧ принял предложение М. Худика: материал комиссии пока сохранить в тайне, но выработать резолюцию с очень теплым обращением к словацкому народу, оценив его заслуги в Словацком национальном восстании, вклад в строительство экономики и чехословацкой государственности. Все следовало представить таким образом, чтобы компартия не была ослаблена критикой. В заключительном слове Новотный сформулировал пункты, которые должна содержать резолюция, и констатировал, что в “буржуазном национализме” не могут быть обвинены словацкие коммунисты, что “буржуазный национализм” в форме, предъявленной в обвинениях, не существовал. Заявив, что они должны быть сняты и публично объявлены ошибочными, Новотный счел нужным подчеркнуть, что в принципе буржуазный национализм в Словакии существовал и что с ним следовало вести борьбу, только не внутри КПС, а вне нее. Вместе с тем Новотный заметил, что некоторые националистические тенденции были свойственны обвиняемым и что эти конкретные ошибки, хотя и допущенные без умысла, следует отметить в резолюции. Он еще раз подчеркнул, что “Компартия Чехословакии в рамках, определенных генеральной линией, проводила правильную национальную политику”.

Затем Новотный перешел к наиболее спорной части резолюции, касавшейся культа личности Широкого. В резолюции, по его мнению, следовало ясно сказать о проявлениях и последствиях этого культа, но вместе с тем отметить успехи, достигнутые КПС под руководством Широкого⁴². Наказывать его по партийной линии Новотный не рекомендовал, поскольку “речь идет не только о Широком, но о партии в целом и о международном коммунистическом движении”. Лидер КПЧ считал необходимым отразить в резолюции, что пересмотр “дела словацких буржуазных националистов” произошел на основе решений XII съезда КПЧ, который “поддержал линию возврата к ленинизму”. Согласно Новотному, “партия очистилась от своей вины за 50-е годы”. Задача окончательной выработки резолюции была возложена на членов “барнабитской” комиссии, обязанных обобщить и учесть высказанные на заседании президиума ЦК КПЧ замечания и соображения. Дубчеку поручалось выступить на заседании ЦК КПС, которое последует за пленумом ЦК КПЧ, с докладом по резолюции, обеспечить его обсуждение, а также выработать проект организационно-политических мероприятий, вытекающих из резолюции.

Последним обсуждался вопрос о “трудоустройстве” Гусака. Вносились конкретные предложения на этот счет: заместитель министра внешней торговли (с чем Новотный не согласился), министр по туризму. Этот вариант Новотному понравился, но он посчитал, что вопрос требует еще обсуждения. В конце концов, разработать предложения о подходе для Гусака назначении поручили Коуцкому, Дубчеку и Колдеру.

Резолюция пленума ЦК КПЧ, касающаяся результатов деятельности “барнабитской” комиссии, была подготовлена к 18 декабря 1963 г. В идеологическом плане она не отличалась от указаний, данных Новотным 5 декабря 1963 г.: подчеркивалось значение решений XII съезда КПЧ, оправдывалась политика коммунистов во время войны и в послевоенный период, особенно в словацком вопросе, деятельность КПС в целом оценивалась положительно, а ошибки относились лишь на счет отдельных лиц либо “атмосферы культа личности”. Но многие выводы, сделанные комиссией и содержащиеся в справке, не нашли отражения в резолюции. В частности, это касалось деятельности КПС в период подготовки и хода Словацкого национального восстания, ее сотрудничества в это время с другими участвовавшими в восстании общественно-политическими

⁴² Симптоматично, что В. Широкий ушел из жизни в октябре 1972 г., через несколько месяцев после того, как Г. Гусак стал генеральным секретарем ЦК КПЧ.

силами, о существовавшей в рядах КПС тенденции присоединить Словакию к СССР на правах одной из советских социалистических республик, подчеркивалось лишь, что восстание было сигналом, подаваемым словацким народом миру, о том, что он борется за восстановление общего государства чехов и словаков.

Пленум ЦК КПЧ подтвердил отмену решения об исключении из компартии так называемых словацких буржуазных националистов и аннулирование постановлений о снятии их со всех партийных и государственных постов, однако мандаты на них объявлялись утратившими силу ввиду избрания новых функционеров на эти посты в последующие годы. Подчеркивалось также, что “помилование” не означает отмену партийной критики действительных политических ошибок, допущенных “товарищами” в их прошлой деятельности. Новые сведения, полученные в ходе работы “барнабитской” комиссии, согласно резолюции, рекомендовалось отразить в сфере общественных наук. Здесь должны были быть исправлены нагроможденные в прошлом ошибки и обращено внимание на проблемы, которые в период культа личности не были решены. Особенно, согласно резолюции, это важно было сделать в связи с приближающимся 20-летием Словацкого национального восстания и последующими торжествами по случаю освобождения республики.

“Пожелания” партийного руководства исполнились почти мгновенно. В 1964 г. вышла книга Г. Гусака “Свидетельство о Словацком национальном восстании”. Эта работа, произведшая переворот в историографии о восстании и вызвавшая необыкновенный интерес в обществе, являла собой сплав воспоминаний активного участника восстания и научного труда⁴³. Позже Гусак защитил работу на степень кандидата исторических наук. В 1964 г. в Праге была опубликована и коллективная монография о Словацком восстании “Исторический перекресток”, по сути первое действительно серьезное, основанное на архивных материалах исследование истории подготовки и хода восстания⁴⁴. Авторами книги являлись историки, участвовавшие в работе “барнабитской” комиссии и готовившие материалы для президиума ЦК КПЧ. В 1965 г. вышел в свет объемный сборник документов о Словацком национальном восстании, составленный В. Пречаном и с его обширным предисловием, где даны характеристики всех архивных фондов, содержащих материалы о восстании. В сборник включены 593 документа из архивов Праги, Братиславы, Баньской Быстрицы, Москвы, Киева, дающих представление о политическом развитии в Словакии в 1943–1944 гг., вызревании и ходе восстания, деятельности и позициях отдельных политических групп и течений⁴⁵. В том же 1965 г. появился и еще один очень ценный для историков сборник документов “Путь к Маю”, в котором представлены документы о том, как формировались взгляды и программы разных чешских и словацких (чехословацких) политических течений, касавшиеся будущего восстановленной ЧСР, а также о первых шагах новой власти на освобожденной территории страны⁴⁶. Первая половина 1960-х годов – время, когда приоткрылись двери чехословацких архивов. О недалеком прошлом страны стало известно многое из того, что в 1950-е годы либо скрывалось, либо представлялось в фальсифицированном виде. Не удивительно, что историки стали активной силой подготовки Пражской весны 1968 г.⁴⁷

⁴³ Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Praha, 1964. Затем книга неоднократно переиздавалась, а в 1969 г., когда Гусак стал первым секретарем ЦК КПЧ, была в срочном порядке переведена на русский язык: Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969.

⁴⁴ Beer F., Benčík A., Graca B., Křen J., Kural V., Šolc J. Dějinná křižovatka. Slovenské národní povstání, předpoklady a výsledky. Praha, 1964.

⁴⁵ Slovenské národné povstanie roku 1944. Bratislava, 1965. Г. Гусак был знаком с документами сборника еще до его выхода в свет.

⁴⁶ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu, I-1, I-2. Praha, 1965.

⁴⁷ Марьина В.В. Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к “Пражской весне” и после ее подавления. – 1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива. М., 2010, с. 687–709.

Г. Гусак тогда был безусловным сторонником реформирования политической системы ЧССР в демократическом направлении. И прежде всего его занимал вопрос о государственно-правовом устройстве Чехословакии, которую он видел преобразованной на федеративных началах. Гусак не принял предложенный ему А. Дубчеком по согласованию с Прагой пост заместителя министра юстиции и до 1968 г. продолжал трудиться в Институте государства и права САН. Положение изменилось после отставки Новотного с поста первого секретаря ЦК КПЧ (им в январе 1968 г. стал А. Дубчек, а ЦК КПС возглавил В. Биляк), а затем и президента ЧССР (в апреле 1968 г. это кресло занял генерал Л. Свобода). К этому времени, безусловно, приоритетным для словацкой общественно-политической жизни стал вопрос о реализации идеи чехословацкой социалистической федерации. Г. Гусак, тогда рядовой член КПС, был приглашен в Прагу и занял пост заместителя председателя правительства, одним из направлений деятельности которого являлась подготовка законопроекта о новом государственно-правовом устройстве Чехословакии. Этим и занялся Г. Гусак. Он являлся последовательным сторонником как федерализации Чехословакии на условиях равноправного положения чешского и словацкого народов, так и сохранения единства страны. Этой позиции, как представляется, он уже в статусе генерального секретаря ЦК КПЧ и президента ЧССР придерживался до конца своего нахождения у власти. События 21 августа 1968 г. прервали в целом успешную и эффективную работу над документами по федерализации Чехословакии. Став первым секретарем ЦК КПС – на этот пост он был избран чрезвычайным съездом КПС 31 августа 1968 г. – Г. Гусак приложил все усилия к тому, чтобы ускорить их подготовку и завершить ее к ранее намеченному сроку, т.е. к 50-летию образования Чехословакии. 27 октября 1968 г., в канун празднования этой даты, Национальное собрание ЧССР единогласно одобрило конституционный закон о чехословацкой социалистической федерации, который вступил в силу 1 января 1969 г.

В современных Чехии и Словакии имя Гусака связывается в первую очередь с “режимом нормализации”, установленным в Чехословакии после августа 1968 г. 17 декабря 1987 г. Г. Гусак был снят с поста генерального секретаря ЦК КПЧ, 10 декабря 1989 г. он подал прошение об отставке с поста президента (им вскоре стал В. Гавел), 17 февраля 1990 г. Гусак был исключен из КПЧ. 18 ноября 1991 г. он скончался. Гусак – трижды Герой ЧССР и Герой Советского Союза (награжден в 1983 г. в связи с 70-летием). Сложная и трудная жизнь Густава Гусака, видного политического деятеля Чехословакии и КПЧ, полна взлетов и падений. Он прошел в ногу со временем и страной почти весь XX в., оставив после себя много вопросов, не получивших ответа. Например, почему он, активно выступавший за реформирование общества в ходе Пражской весны и намеревавшийся продолжить начатые реформы после августа 1968 г., не смог сделать этого, оказавшись на вершине сначала партийной, а затем государственной власти? Почему он, добившись принятия закона о федерализации ЧССР, затем не смог добиться его последовательного проведения в жизнь? Почему он, проведший 10 лет в тюрьме и испытывавший на себе всю нелюбовь “власть предержащих”, допустил репрессии против последовательных сторонников Пражской весны и, в частности, дал добро на “чистку” партийных рядов, “разгром” исторического фронта и т.д. Почему он, с симпатией и одобрением встретивший перемены в СССР в период горбачевской перестройки, не смог настоять на следовании этим реформам в стране, которую представлял и возглавлял? Почему в конце своей жизни он оказался в изоляции и умер в забвении? Почему он не оставил после себя воспоминаний и, дав сначала согласие на публикацию книги В. Плевзы о своей жизни, затем, по словам ее автора, отказался от этого издания? Возможно, на некоторые вопросы можно будет найти ответы в опубликованной книге “Густав Гусак. Политик власти, власть политики”⁴⁸, составленной по материалам конференции под тем же названием, состоявшейся в Праге в мае 2013 г., а также в подготавливаемых к публикации материалах конференции “Густав Гусак и его время”, состоявшейся в Братиславе в январе 2013 г. в связи со 100-летием со дня его рождения.

⁴⁸ Gustáv Husák. Moc politiky, politik moci. Bratislava, 2013.